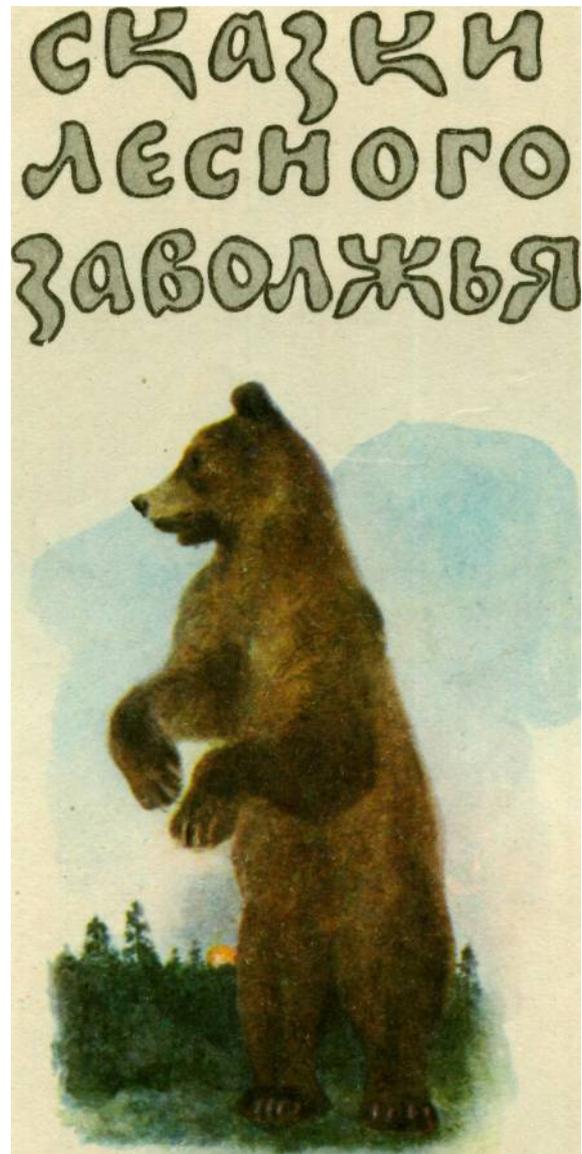

с.афоньшин

РИСУНКИ
Г. НИКОЛЬСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО МАЛЫШ

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2012г

КАК У ФИЛИНА УШИ ВЫРОСЛИ

Жила в избушке на краю села старушка — можжевеловый костыль, костлявые руки. Каждый день печку топила, с горшками воевала, сажей румянилась. За это её люди Чернопалихой прозвали. Была у старушки скотина — коза да кот. Козочка с утра до вечера по кустам паслась, молоко нагуливала, а кот на печке нежился. Третий непрошенный жилец филин-голован — жуткие глаза, мохнатые лапы — на чердаке таился. Жил тихо, голоса никогда не подавал, словно его и на свете не было. По ночам на добычу вылетал, а утром от солнышка на чердак прятался и смирно сидел на жёрдочке среди старухиных веников.

Вот как-то утром, пока Чернопалиха козу со двора в поле выгоняла, котофей с лежанки спрыгнул,

потянулся, со всел кринок крышки лапкой посбивал и сметану сверху слизал. Раскрыть кринки сумел, а покрыть, как было, не догадался. Сел на пороге и давай мяукать жалостно. Тут хозяйка вернулась. Только успела она дверь открыть, как кот ей под ноги шмыгнул — и на чердак, а оттуда в поле да в лес. Сразу смекнула старая, что не зря кот, как ошпаренный, из избы выскочил. Стала своё хозяйство проверять. Увидала, что кот-котофей натворил, и заахала и вслед за котом на чердак полезла, чтобы его проучить. Она и всегда-то глазами тупа была, а тут со света да в сумрак — совсем как слепая. Стала по чердаку шарить, нащупала костлявыми руками что-то мягкое и пушистое.

— Ага, попался, разбойник!—обрадовалась старуха.

А это филин был. И начала она драть филина своими чёрными пальцами за то место, где уху быть. Трепала и приговаривала:

— Это тебе за сметану, это тебе за сметану!

Изловчился голован и царапнул Чернопалиху когтями. Только пуще рассердилась старая:

— Ах, ты ещё царапаешься! Это тебе за царапанье, это — за сметану!

Вырвался филин и спрятался в самый тёмный угол под крышей.

А бабка костылём стучала и грозилась¹

— Будешь теперь знать, как сметану слизывать! Котофей пропадал целые сутки, хозяйка о нём заскучала и, когда он явился, парного молока налила, приговаривая:

— Пей, милоч, больше не стану за ухо трепать, только по кринкам не лазь!

На другой день, пока бабка куда-то отлучилась, кот опять кринки раскрыл и сметану слизал. Напроказил

и сел на порог хозяйку ждать. Чуть приоткрыла старушка дверь, как он в сени шмыгнул, из сеней на чердак, с чердака в поле да в лес. Всплеснула руками Чернопалиха, когда увидела, какую беду кот натворил, и, стуча можжевелевым костылём, за ним на чердак полезла. Нашупала в сумраке за трубой мягкое "да пушистое, с глазами как фонарики, и вцепилась в то место, где уху быть:

— Попался, разоритель!

Чтобы отпугнуть старуху, филин ухать начал: „Бу-гу! Бу-гу!“

Но бабка не сробела:

— Я тебе убегу!

И принялась драть да трепать филина ещё сильнее за то место, где уху быть, приговаривая:

— Это тебе за сметану, за сметану! Будешь знать, как с кринок крышки сбивать!

Пытался филин когтями оборониться, но старуха ловко за другое ухо перехватила и ещё злее трепала: — Кругом виноват, да ещё и царапается!

Еле вырвался филин и в самый тёмный угол за-прятался.

А кот пропадал три дня и три ночи. Загоревала старуха и, когда проказник явился, не знала, чем его напоить, накормить. После того совсем избаловался котофей. Чуть старуха из избы — он сметану попробовать. А расплачивался за все его проделки чердачный жилец — филин-голован — круглая голова, жуткие глаза, мохнатые лапы. От старухиных потасовок у него над ушами перья вытянулись, огрубели, потемнели и стали пучками торчать, в виде кисточек, а глаза от страха стали совсем круглыми.

Покинул филин свой чердак и переселился в глухой дремучий лес. Там он и сейчас живёт — глазастый, ушастый, осторожный.

Чтобы какая бабка Чернопалиха с можжевеловой клюкой невзначай не зашла в его владения, филин ухает страшным голосом, пугая всех без разбора: „Бу-гу! Бу-гу!“

КАК ЗМЕЯ ГОЛОС ПОТЕРЯЛА

На солнечной поляне под лежащим бревном-колодиной жила змея — плоская голова, длинный язык, злые глазки. Глотала зазевавшихся пташек, мышей, лягушек и, насытившись, бранила всех, кто проходил мимо. Голос у змеи был громкий, но неприятный, а зубы ядовитые, поэтому никто с ней в перебранку не вступал. И люди и животные знали, что под колодиной живёт змея, и опасливо обходили это местечко. Змее же только того и надо было. Она свивалась колечком на солнечном припёке и засыпала.

Вокруг змеиной колодины буйно разросся сердитый недотрога шиповник — колючие ветки, мягкие ягоды. И пташки, и мышки лесные любили полакомиться ягодами шиповника, да тут и попадали в ненасыт-

ное пузо змеи. А среди самого высокого куста свил гнездо соловушка — серый зипунок, лёгкие крылышки, печальные карие глазки. Свил гнездо над самой змеиной колодиной и страха не знал, сидя на ветке шиповника, песни распевал. Да так славно пел, что змея иной раз заснуть не могла от зависти.

Часто она подползала к пруту, на котором соловушка распевал, и, опираясь на хвост, вверх тянулась, будто послушать соловьиное пение. А у самой одна злая задумка была — проглотить соловья. Высоко подняв голову, змея раскачивалась из стороны в сторону, словно дивясь чудесному пению, втайне поджидая, не спустится ли певец пониже. Пробовала она дотянуться до соловьиной подружки, что на гнёздышке сидела, но тоже не доставала.

Занятый своей песней, соловей не догадывался о змеиной хитрости, поэтому распевал и прыгал на ветке без опасения. Зато колючка-шиповник вовремя разгадал замысел гадюки и начал торопливо расти вверх, чтобы змея не достала певца и его подружку. Но и змея не уставала подниматься на своём хвосте с каждым разом всё выше и чуть-чуть не доставала до веточки, на которой пел соловей.

„Ах, ты так, змея!“ — с досадой прошептал шиповник. И в одну ночь вырастил на своих прутиках острые злые шипы. И когда гадюка вновь попыталась достать соловья, исцарапала о шипы свой живот. Она

бранилась от боли резким скрипучим голосом, но не оставляла своего замысла. А шиповник всё думал, как уберечь от змеи соловья.

И вот, когда наступили самые длинные дни, за одну короткую ночь каждая веточка шиповника загорелась лёгкими розовыми бутончиками, а рядом с ними выросли новые шипы, острые, крючковатые, безжалостные. В то утро соловьиная веточка себя тоже цветами разукрасила и сверкала росой, ожидая певца. И когда он на неё спустился, склонилась бутончиком вниз.

Змея подползла к подножию куста совсем неслышно, приподнялась на хвосте и стала разглядывать, за каким же цветком распевает соловушка. Вот что-то серенькое трепыхнулось на конце одной цветущей ветки. Злым броском гадюка приподнялась ещё выше

и захлопнула свою пасть на цветущем конце ветки, где только что пел соловей. И тут почувствовала такую боль, словно собственные зубы вонзила себе в глотку. Она начала метаться, до земли пригибая прут шиповника. Змея шипела и хрипела от злости и, сообразив, что соловушка в её пасть не попал, рванулась, разорвала о шипы свой длинный язык и с колючей веткой в горле под свою колодину уползла.

Вот так, в пору самых долгих дней и коротких ночей, простой куст шиповника, которого все недолюбливают за колючки, не позволил змее погубить певца-соловушку. Змея никак не могла избавиться от колючек, которые заглотнула вместе с цветком. С той поры у неё совсем пропал голос, осталось одно шипение. А язык разорван на два кончика. И теперь все гадюки особенно злы, в жаркие летние дни, когда цветёт шиповник. Об этом давно знают жители лесной заволжской стороны.

КАК АНЮТКА МЕДВЕДЯ УБАЮКАЛА

Слыхано у нас на Керженце, что в давние времена медведь по зимам крепко и надолго не засыпал, побродит да поспит, подремлет да побродит. Всё чего-то он трусил да опасался. То дерево заскрипит, то дятел задолбит, то белка невзначай на медвежий нос шишку уронит либо сорока над самым ухом застрекочет. Мало ли в лесу разных скрипов, посвистов да шорохов! От страха да беспокойства косолапый на зиму до того тощал, что одна шкура на мослах оставалась, еле-еле мог из берлоги на солнечную проталину выбраться. Как медведь на всю зиму без просыпа заснул, о том в сказке рассказано.

Как-то летом один мужичок-кержачок в лесу лыко на лапти драл. Упарился, снял кафтан, шапку и на

пенёк повесил. А дочка Анютка, босые ножки, синие глаза, около ходила, ягодки собирала и песенку напевала. Вот утомился мужичок, лёг на траву и заснул. Тут медведь на то место прибрёл. Обошёл сиволапый мужичка с девчоночкой кругом, на кафтан да шапку, что на пеньке висели, боязливо поглядывал. И позавидовал мужику: „Какой ведь хитрый! Пока сам спит, двух сторожей поставил: один ходит да поёт, другой молчит да глядит! Вот и мне бы к зиме такое придумать!" Тут ветерок подул, кафтан и шапку на пеньке колыхнул. Струсил медведь и убежал.

Осенью перед морозами пошла Анютка в болото за клюквой, за спиной кузовок, на ногах лапотки. Подкрался к ней сзади медведь, сграбастал в охалку и в свою еловую вотчину утащил. Там, рядом с берлогой яму выкопал, девчоночку в неё поставил, по колени землёй завалил и накрепко лапищами кругом утоптал. „Вот так-то не убежишь!" Довольный своей придумкой, лесной боярин на свою лежанку повалился, а девчоночке Анютке наказал сказки рассказывать, чтобы ему сладко спалось.

С кузовком за спиной стояла Анютка по колено в холодной земле и дрожала, как тростинка сиротливая, от страха и холода. Пожалел её старый клён, что рядом стоял, и начал последние листья ронять, чтобы девочку от стужи укрыть. А медведь перед сном себе под нос ворчал да пятки зализывал. Только что задремал, как озорная белочка спелым жёлудем в медвежий нос угодила. Зарычал косолапый:

— Или забыла ты, девочка, что тебя тут сторожем поставили? Не умеешь сказки сказывать, так песни пой! Да так мой сон береги, чтобы сухое дерево не скрипнуло, мала птаха синица не пискнула, дятел бы не застучал, филин не закричал! А не убережёшь, так всю тебя землёй завалю, колодником придавлю!

И снова задремал сиволапый. А девчоночка Анютка, тяжело вздохнувши, песню запела, как умела, тихонечко да несмело:

Баю-баюшки-баю,
Стихни всё в лесном краю!
Месяц на небе взойди,
Но медведя не буди,
Тихо-тихо выплывай,
Свет волшебный разливай!
Звёзды на небо вспорхните
И медведю подмигните!
Полуночица сова —
Глазастая голова,
Колдовским крылом в тиши
Над медведем помаши —
Чтобы спал лесной боярин
Вплоть до радости-весны!

Только успела Анютка свою песню допеть, как на небо круглый месяц плавно выкатился, весь лес осветил, а одним волшебным лучом упёрся в широкий медвежий лоб, чтобы сон медведя был спокоен и ровен, как свет месяца. Потом звёзды на небо выскочили и замигали всему миру лесному, чтобы никто не тревожил медведя ни скрипом, ни писком, ни шорохом и чтобы сон медвежий был долог, как луч звезды. Вот и сова — круглая голова из еловой чащи вылетела, над медведем бесшумно крыльями помахала, отгоня всякие тревоги и страхи, чтобы спалось косолапому бездумно. И заснул лесной боярин сном спокойным, крепким и долгим.

А девчоночка Анютка стояла по колено в земле, медвежий сон стерегла. Как подумала она, что в тот час её всей деревней по лесу ищут, кричат да ауют, залилась слезами горячими. От тех горячих слёз подобрела вдруг вокруг её ножек земля, размякла и в стороны раздалась, а лапки сами собой развяза-

лись. Выдернула Анютка из ямы свои ножки босые, кузовок на яму поставила, кацавейку с плеч да платок на него накинула. И полетела в одном сарафанчике в родную сторону! И все кусты и деревья, перед ней расступаясь, дорогу к дому показывали.

Прибежала Анютка домой в тот час. как родные о ней плакать перестали, и живо на печку забралась ножки отогревать. Стали допытываться отец с матерью:

— Где ты пропадала, синеглазая?

— У медведишки за сторожа была!

— А где кузовок, платок, кацавейка да лапотки?

— Да, чай, медведю на поглядочек оставила!

Не поверили родители, хотели ещё поспрашивать, да не успели, заснула Анютка на тёплой печке крепко-накрепко.

А старый клён у медвежьей берлоги всё ронял и ронял свои листья на кузовок с кацавейкой и на платок, и выросла на том месте целая горка из кленовых листьев. Приснилось медведю, что девчоночка домой убежала, проснулся, выглянул и удивился: „Эх-ма, как её листом-то засыпало! Ну и пусть, зато зимой не замёрзнет!“ И снова заснул косолапый. И сон его был спокойным, как свет месяца, тихим, как полёт совы, и долгим, как луч дальней звезды.

Вот с той-то поры и спят медведи в берлоге всю зиму, от осени до весны.

КАК КЛЕСТЫ С МОРОЗОМ ВОЕВАЛИ

Задумал боярин Мороз среди чистого поля ёлку поставить, чтобы под ней петь и плясать, зиму встречать и провожать. И послал Мороз одного мужичка-кержачка ёлку срубить, что среди леса чуть не до неба росла. Срубить и на Морозово подворье притащить.

Вот пришёл кержачок в лес, разыскал ту ёлку и поглядел на неё жалостливо. Очень не хотелось ему ради боярской утехи такую раскрасавицу губить. Пока стоял да раздумывал, спина начала зябнуть. Прислонился мужичок к ёлке спиной и задремал. Ель из всей мочи грела кержачку спину, и так ему тепло стало, что заснул, сидя под ёлкой, крепко-накрепко.

Долго ждал боярин Мороз, терпенья не хватило,

сам в лес побежал. Увидел, что кержачок под ёлкой спит, и разгневался. Начал сонного мужичка с трёх сторон подмораживать. Тут на ёлку раздумье нашло: „Ой, заморозит злодей сонного мужика, вон как лютует, старается!“ Лохматой вершиной качнула и на весь лес слово могутное шепнула:

— Где вы, жильцы мои проворные, пташки смелые, задорные? Добрый мужичок-кержачок отдыхает, а боярин Мороз его мёртвым сном усыпляет! Ко мне летите, кержачка обороните!

И побежал, как от ветра, шёпот-шумок по всему лесу, услышали его нарядные пичужки с толстыми крепкими клювишками, и все к ёлке поспешили. И начали боярина Мороза со всех сторон щипать да клевать — и за нос, и за брови, и за усы, и за бороду! Так старались, что только ключья летели, не успевал отмахиваться. Долго Мороз от пичужек оборонялся, упарился, пропотел. И сразу в лесу потеплело,

а с ели капельки закапали. Испугался старик Мороз и пропал, словно в снег зарылся.

Тут мужичок-кер-жачок проснулся, кругом огляделся и радостно домой к ребятам побежал. А нарядные храбрые пичужки на ёлке расселись, ощипываться да охорашиваться начали, перышки в порядок приводили. И тут заметили они, что в драке со стариком свои носики покривили. Верхняя половинка клюва глядела в одну сторону, а нижняя в другую. Долго смелые пташки свои клювики выпрямляли, старались и так, и эдак, только напрасно, не выпрямили.

Но драка с боярином Морозом тем пичужкам на пользу пошла. С той поры все птахи-клесты никаких морозов не боятся, даже птенчиков своих зимой выводят. А кривые носики им тоже очень пригодились, такими клювиками очень ловко из еловых шишек семена доставать.

После того как ёлка мужичка-кержачка согревала, в ней мало тепла осталось. О еловых дровах знающие люди так говорят: „В ёлке огня-пылу много, а жару нет. Горит весело, а блинов не испечёшь!“ Это потому, что давным-давно, в зимнюю пору, ёлка отдавала своё тепло за доброту человеческую.

СОДЕРЖАНИЕ

Как у филина уши выросли.	5
Как змея голос потеряла.	10
Как Анютка медведя убаюкала.	16
Как клесты с морозом воевали.	22

JV-

